

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13-2.1-165-187

УДК 117

ПОНЯТИЕ МАТЕРИИ В CONTRA PROCLUM ИОАННА ФИЛОПОНА: СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ

Кошелев Александр Валерьевич,

аспирант философского факультета,

Московский государственный университет им. Ломоносова – МГУ,

Россия, 119234, г. Москва, Ломоносовский пр., 27, корп. 4

magistrshurik@gmail.com

Аннотация

Цель этой дебютной статьи – дать краткий обзор ключевых зарубежных работ, преимущественно монографий, посвященных проблеме материи в трактате Contra Proclum Иоанна Филопона, и тем самым сделать соответствующую исследовательскую картину наглядной для русского читателя. Иоанн Филопон – один из последних греческих комментаторов Аристотеля, одновременно неоплатоник и христианин. В своем сочинении Contra Proclum (ок. 529 года н. э.) он переопределяет классическое понятие материи, отвергая универсальную бескачественную первоматерию неоплатоников. В начале статьи дается краткое историческое введение, необходимое для постановки проблемы. Затем осуществляется синтетический разбор нескольких релевантных указанной теме работ: отечественной статьи М.Н. Варламовой (2017) и зарубежных (немецких, английских, голландских, французских) монографий: Михаэля Вольфа (1971), Ричарда Сорабажи (1988), Кристиана Вильдберга (1988), Жанны де Грут (1991) Франса де Хааса (1997), Пантелиса Голициса (2008) и Паскаля Мюллер-Журдана (2011). Тем самым охватывается вся существующая история исследований вопроса о материи у Иоанна Филопона. Особое внимание автор отводит подробному описанию сложившихся научных дискуссий, связанных с этим вопросом: позициям исследователей, их подходам и перспективам. При этом проблема филопоновской материи оказывается представленной в тесной связи со многими сопутствующими исследовательскими рубриками в истории позднеантичной философии (онтологический статус видового отличия, рецепция аристотелевского учения о категориях, размежевание александрийской и афинской неоплатонических традиций и т. д.). В заключение статьи подведен общий краткий итог, указаны наиболее важные дискуссии, связанные с темой материи у Филопона, и дана авторская оценка их актуального состоянию.

Ключевые слова: поздняя Античность, Иоанн Филопон, материя, протяженность, неоплатонизм, вечность мира, Аристотель, Прокл.

Библиографическое описание для цитирования:

Кошелев А.В. Понятие материи в *Contra Proclum* Иоанна Филопона: современные дискуссии // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 2, ч. 1. – С. 165–187. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13-2.1-165-187.

Иоанн Филопон – знаменитый александрийский неоплатоник и монофизит VI в., живший примерно с 490 по 570 г. [5, р. 456–466], воспитанник школы Аммония, сына Гермия. В научной среде он известен, прежде всего, как один из последних комментаторов Аристотеля, как предтеча динамики Галилея, а примерно с 80-х гг. прошлого века – как философ, предпринявший «массированную атаку» на аристотелевскую науку и языческие¹ верования [12, р. ix; 46–81].

Иоанн Александрийский, или Иоанн Грамматик, оказался одним из последних выдающихся носителей живой эллинистической традиции в науке, философии и образовании наряду с Боэцием, Дамаскием и Симпликием. Александрийский ученый жил и действовал на границе двух исторических миров: уходящего античного и крепнущего христианского. В отличие от своих именитых современников, он в полной мере принадлежал обоим мирам. Как христианин, он был автором немало числа апологетических и богословских сочинений, активным участником современных христологических споров; как греческий ученый, он сохранял нетипичный для христианских писателей того времени интерес к физике и метафизике.

Через некоторое время после 529 г. [5, р. 457] Филопон публикует трактат *De aeternitate mundi contra Proclum* (далее – CP), полемический с точки зрения неоплатонизма и апологетический с точки зрения христианства. Эта работа вписывается в давний спор о вечности мира, в котором классическому греческому принципу *ex nihilo nihil* противостояло иудео-христианское учение *creatio ex nihilo*. Трактат был задуман как ответ на утерянное сочинение Прокла, предположительно направленное против христиан [7, р. 2ff.]. Один за другим Филопон разбирает и опровергает аргументы Прокла, всего числом восемнадцать. Одиннадцатый аргумент афинского Диадоха апеллировал к вечности мировой первоматерии, *materia prima*. Предваряя его опровержение в одиннадцатой книге своего трактата, Филопон делает отступление, посвященное понятию первоматерии вообще (CP XI. 1–15). Александриец формулирует *новое понятие первоматерии*, расходящееся с традиционным для неоплатоников: он упраздняет как «пустое имя» (*κενὸν ὄνομα*, CP XI.7 427.21) абсолютно бескачественную, неопределенную материю и объявляет первоматерией бескачественное

¹ Под «языческими верованиями» (*pagan beliefs*, р. 9) имеется в виду в первую очередь представление о вечности мира.

тело (ἄπειρον σῶμα) или, иначе, *тело как таковое* (ἀπλῶς σῶμα), понимая его при этом как неопределенную *трехмерную протяженность* (τὸ τριχῆ διαστατόν) (СР XI.3). Тем самым основой всего физически сущего оказывается, по удачному выражению Кристиана Вильдберга, «телесная протяженность или, лучше, протяженная телесность» [13, р. 218].

Это определение первоматерии, субстанции тел, удивительным образом напоминает картезианскую *res extensa*. Однако интеллектуальные условия, в которых жил Филопон более чем за тысячу лет до Декарта, кажутся куда менее приспособленными для такого поворота: традиционная первоматерия была, с одной стороны, вовлечена в неоплатоническую метафизику эманации, с другой – являлась опорным пунктом аристотелианского гилеморфизма. Поэтому шаг Филопона сразу же вызывает вопросы: как, благодаря каким решениям каких задач ученый VI в. мог прийти к такому результату? какие изменения для античной физики и метафизики подразумевает это нововведение?

Исследования филопоновского наследия в целом шли уже в XIX в.; во второй половине XX в. общий корпус работ насчитывал уже более трех сотен². Отечественные работы – среди них нет, к сожалению, ни одной монографии – начали появляться лишь в 2009 г., если не считать раннюю статью И.Д. Рожанского 1988 г.

Из известных мне статей тему материи в СР непосредственно затрагивает только одна. Составленная М.Н. Варламовой в 2017 г., статья посвящена сравнению концепций материи у Филопона и Аристотеля. В частности, Мария Николаевна обращает внимание на изменение позиции первоматерии по отношению к схеме категорий: если у Аристотеля *materia prima* вынесена за пределы последней и имеет онтологический статус начала (ἀρχή), то Филопон помещает материю в категорию субстанции, наделяя ее трехмерностью в качестве сущности (логоса). Тем самым «материя перестает быть неопределенным нечто, мыслимым “по ту сторону сущего”, и становится в ряд сотворенных вещей» (курсив мой. – А. К.) [1, с. 474]. В этой связи автор акцентирует внимание на термине εἰδοπεποιημένον, сотворенность в форме, чего я не встречал в иностранных работах³. Этот термин связывает определение материи у Филопона с доктриной *creatio ex nihilo*. Как будет видно из дальнейшего обзора, общего согласия касательно существования прямой связи между двумя концепциями нет: зарубежные исследователи, напротив, в большинстве своем склонны считать теорию материи а priori никак не связанной с *creatio ex nihilo*. В этом духе можно было бы предположить, что термин εἰδοπεποιημένον является лишь внешним интер-

² См. библиографию в [12].

³ Термин приводит Вольф [14, S. 117f.], но не связывает его с творением, переводя как «etwas bereits Qualifiziertes».

претативным элементом, наделяющим всё оформленное телесное сущее значением сотворенности. Сотворенность окажется в таком случае дополнительной аксиомой, принимаемой помимо переопределения материи. Впрочем, Мария Николаевна, кажется, соглашается с этим, замечая, что определение материи обосновывает не столько само творение из ничего, сколько его принципиальную возможность [1, с. 480].

Еще один примечательный факт, сообщаемый автором статьи: хоть материя теперь уже более не лежит за пределами категориальных схем, она всё равно имеет особый категориальный статус: тело без качеств не может изменяться в какой-либо категории [1, с. 479]. Это связано с тем, что хоть материя и получает у Филопона собственное сущностное определение, она тем не менее не существует отдельно наравне с первыми сущностями.

Теперь о зарубежных исследованиях. Представить их основные результаты и позиции и является целью настоящей статьи.

Кратко новое определение материи упоминалось в известной обзорной книге Шмуэля Самбурского в 1962 г. Самбурский видел в *τῆς διαστατόν* Филопона предвосхищение *res extensa* Декарта [10, с. 165] и рассматривал это в контексте антиаристотелевской унификации под- и надлунного регионов⁴. Однако Кристиан Вильдберг отмечает: Самбурский оставляет открытым вопрос, является ли *τὸ τῆς διαστατόν* именно *материалом* или же лишь пространственной величиной [13, р. 205, 206].

Michael Wolff

Первым известным мне значительным исследованием филопоновской теории материи является работа Михаэля Вольфа 1971 г. *Закон падения и понятие массы*. Ее автор (ему сейчас 78 лет) – выпускник университетов Гамбурга и Марбурга по философии и классической филологии, хабилитированный доктор (1978), бывший профессор университета в Билефельде. В основу названной книги была положена докторская диссертация Вольфа 1968 г.

Диссертация Вольфа содержит в себе два отдельных исследования. Первое посвящено динамике Филопона периода его комментария на *Физику* Аристотеля (около 517 г. [5, р. 456, 457]) – закону движения физических тел в плотной среде и теории импетуса. Во втором [14, S. 107–148], более коротком исследовании рассматривается филопоновское понятие материи – об этой части работы здесь и пойдет речь. Изложение автора в целом ясно и лаконично, хотя местами Вольф склонен к несколько усложняющей суть дела логической формализации. Оба исследования проведены в перспективе анализа прин-

⁴ Вся глава VI ('The Unity of Heaven and Earth'), особ. [10, р. 154–157].

ципов: натурфилософских в первой части и онтологических во второй. В первую очередь Вольф старается обозначить *принципиальные* расхождения между Филопоном и Аристотелем.

Итак. Вторая часть книги посвящена понятию протяженной субстанции у Филопона. Она состоит из введения и трех глав, каждая из которых представляет собой относительно независимое мини-исследование. В первой главе автор реконструирует проблематику, в контексте которой могла быть принята теория материи Филопона. Вторая глава фокусируется на внутреннем развитии филопоновской мысли: от комментария к *Физике* (далее in *Physica*), где Филопон еще разделял традиционный взгляд на материю, к *contra Proclum*. Наконец, последняя глава рассматривает теорию материи Филопона в свете истории понятий: Вольф показывает, как новая концепция материи могла проложить путь к понятию массы в классической физике.

Вольф толкует нововведение Филопона не столько как переопределение *первоматерии*, сколько как переосмысление понятия субстанции вообще⁵. Ставя на место *materia prima* трехмерную протяженность, Филопон не просто заменяет один субстрат другим, но в некоторой мере вообще *упраздняет* понятие субстанции как таковое – по крайней мере, в том его смысле, который был присущ аристотелевской дуальности «субстанция–акциденция» [14, S. 108, 109]. При этом филопоновское обозначение бескачественного тела как нового первосубстрата Вольф, судя по всему [14, S. 109, 145, 146], считает рудиментарным.

Первая глава раскрывает *conditio sine qua non* отказа от *materia prima*: субстанциально-акцидентальное различение было проблематизировано в дискуссии, у истоков которой стоит Лукий, платоник середины II в. В полемическом сочинении против аристотелевских *Категорий*⁶ Лукий обращает внимание на апоретическое положение особого рода свойств, τὰ συμπληρωτικὰ τῆς οὐσίας⁷ (Вольф переводит: «конститутивных атрибутов» [14, S. 107–148 passim]). В традиционном различении субстанции и акциденции как «того, что не находится в ином» и «того, что находится в ином» эти конститутивные свойства не могут быть классифицированы.

Хоть Аристотель и не употреблял этот термин, Лукий и в самом деле попадает в слабое место: сущностное для вещи *видовое отличие* (*differentia specifica, διαφορὰ*) не имеет у Стагирита ясного статуса и, как указывает Вольф, скорее *сказывается о подлежащем*, чем *находится в нем*, тем самым

⁵ Вольф переводит ὑποκειμενον как Substanz, с чем не соглашаются Сорабджи и Вильдберг.

⁶ Это сочинение не сохранилось. Сведения о нем известны из комментариев к *Категориям* Симпликия и Дексиппа.

⁷ Это связано собственно с филопоновским словоупотреблением. Говоря о трехмерной протяженности, он называет ее συμπληρωτικὸς («konstitutiv») и οὐσιώδης («wesentlich») [14, S. 109].

оставаясь всего лишь логическим понятием [14, S. 113]. Именно эта непрозрачность статуса *differentia specifica* у Аристотеля оказывается искомой проблематической средой, которая приводит впоследствии к радикальным действиям Филопона в отношении *materia prima*.

Апория Лукия разметила пространство, в котором онтологическая альтернатива субстанция–акциденция смогла стать предметом дискуссии. Главными участниками этой дискуссии Вольф считает Порфирия и Филопона. Оба представляют два возможных решения апории. Решение Порфирия⁸ заключается в том, чтобы внести уточнение в понятие субстанции, разделив подлежащее на два вида: первое подлежащее (*πρῶτον ὑποκειμενον*), соответствующее абсолютно бескачественной материи, и второе подлежащее (*δεύτερον ὑποκειμενον*), составленное из первоматерии и некоторых свойств. Это уточнение позволяет сказать, что относительно первого подлежащего все свойства акцидентальны, тогда как второе может иметь и свойства конститутивные [14, S. 115, 116]. Тем самым аристотелевское разделение на субстанцию и акциденцию формально сохраняется, хотя на деле понятие субстанции раскалывается надвое.

Если решение Порфирия *релятивизирует* субстанциально-акцидентальное разделение, опосредуя понятие субстанции, то решение Филопона это разделение и вовсе *снимает*. В CP XI Грамматик демонстрирует постулативность тезиса о существовании первоматерии. Кажется несколько рискованным шаг Вольфа – истолковать это место у Филопона как намек на порфириевское разделение подлежащих. Так или иначе, отвергая постулат *materia prima*, Филопон заменяет его полаганием конститутивных атрибутов [14, S. 117–119]. Трехмерная протяженность оказывается, таким образом, конститутивным атрибутом (*συνπληρωτικός*) физических тел. Судя по изложению Вольфа (это не сказано прямо), подлежащим в каждом конкретном случае физического изменения оказывается то или иное формально определенное тело; некая всеобщая *materia prima* – неотъемлемый элемент всякой платонической философии – как онтологический феномен у Филопона отсутствует.

Во второй главе Вольф прослеживает внутреннее развитие мысли Филопона от *in Physica* (517) к CP (529). В качестве источника Вольф использует также комментарий к *Категориям*. В *in Physica* Филопон считал протяженную субстанцию составленной из первоматерии и количественной формы, т. е. отводил ей *предпоследний* уровень в онтологической иерархии физического мира. Вольфа интересуют два вопроса: почему Филопон оставил свою раннюю позицию и внес соответствующие изменения в онтологическую схему, упразднив бестелесную первоматерию, и почему он не мог сделать этого уже в *in Physica*?

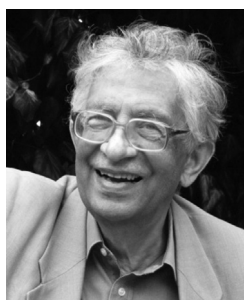
⁸ Известное из всё тех же комментариев Симпликия и Дексиппа к *Категориям*.

Фоном для ответа на оба вопроса у Вольфа выступает полемика о вечности мира. Он показывает, что проблема происхождения мира из ничего и критика принципа *ex nihilo nihil* были актуальны для Филопона уже в *in Physica*⁹, хотя аргументация там отлична от аргументации в СР. Согласно Вольфу, это вызвано тем, что в этих трактатах Филопон полемизирует против разных противников: в раннем трактате против Аристотеля, в позднем – против Прокла. Вольф полагает, что теория материи в СР была целиком и полностью мотивирована желанием отразить прокловскую критику *creatio ex nihilo*, для этой цели аргументация в *in Physica* была недостаточной [14, S. 121, 122, 134f.]. Ключевую роль здесь играет принцип *concreatio*, согласно которому материя и форма возникают одновременно. Если в *in Physica* Филопон использует его как базу для своей аргументации, то в СР он уже не может этого сделать, поскольку на этот раз *concreatio* используется уже *Проклом* для доказательства, напротив, вечности мира. Это приводит Филопона к тому, чтобы объявить трехмерную протяженность *чистой формой*. А так как формы, по общему неоплатоническому убеждению, возникают из ничего и разрешаются в ничто, то это теперь справедливо и для трехмерной протяженности. Что касается невозможности таких взглядов уже в *in Physica* – Вольф объясняет это тем, что из онтологической трансформации в СР непосредственно следует уничтожение границы между небесным и подлунным регионами, недопустимое для Филопона в *in Physica* [14, S. 133–137].

Третья глава рассматривает τὸ τριχῆ διαστάτων в контексте проблемы изменения объема. Аристотелевская теория роста и убыли сводила эти феномены к потенциальной структуре субстрата, на котором может реализоваться та или иная величина. Фактически из этого следует, что реализуемая величина может быть произвольной. Таким образом, теория Аристотеля не решала проблему *специфического объема*, существование которого Филопон принимает в качестве эмпирического факта: почему объем данного тела может расширяться или сжаться лишь *определенным* образом? Решение проблемы дается александрийским ученым на базе новой теории трехмерной протяженности. Качественно конкретное физическое тело подразумевает конкретную величину трехмерной протяженности в качестве своего «конститутивного атрибута». Филопон считает, что эта величина оставляет лишь ограниченный диапазон, в пределах которого может изменяться действительный объем тела. Бросается в глаза двусмысленность в употреблении термина «объем» (ἄγκυς). Вольф различает в этой связи «экстенсивный» смысл, которому соответствует определенная мера трехмер-

⁹ Филопон сообщает, что разобрался с этим вопросом ранее в *in Physica*, в утерянном ныне трактате *Σύμμιτα θεωρημάτων*. Вольф считает вероятным, что этот трактат подробно рассматривал вопрос вечности мира [14, S. 121, 122, Fn. 27, S. 133].

ной протяженности ($\acute{\omega}\rho\iota\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma\ \mu\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\theta\omicron\varsigma$), конституирующая данное тело, и «интенсивный», указующий на неопределенную ($\acute{\alpha}\beta\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$), но ограниченную способность к росту и убыли. В кратком очерке о рецепции Вольф связывает эту двойственность $\tau\rho\iota\chi\eta\ \delta\iota\alpha\sigma\tau\alpha\tau\omicron\nu$ Филопона с учением о *duplex quantitas* Эгидия Римского (XIII–XIV вв.). Перенятое, по словам последнего, у Аверроэса, это учение различало в телесной субстанции *dimensiones determinatae* и *dimensiones indeterminatae*, под которыми подразумевались соответственно объем и количество материи тела. Примечательно, что учение Эгидия всё так же, как у Филопона, связано с объяснением сгущения и разрежения вещества. Хотя сам Филопон и не рассматривал неопределенный аспект $\tau\omicron\ \tau\rho\iota\chi\eta\ \delta\iota\alpha\sigma\tau\alpha\tau\omicron\nu$ как количество материи, Вольф настаивает на том, что александриец тем не менее *тематизировал* различие обоих аспектов в связи с понятием трехмерной протяженности [14, S. 138–148].

Richard Sorabji

Вторая значительная фигура в дискуссиях о материи у Филопона – английский историк философии сэр Ричард Сорабджи (р. 1934). Выпускник Оксфорда (PhD), он работал в Корнеллском университете (Нью-Йорк), затем в Королевском колледже в Лондоне. Научные интересы Сорабджи связаны в первую очередь с Аристотелем, хотя деятельность его гораздо шире. Цель ее – разрушить представление об эллинизме и поздней Античности как об эпохе, бедной на оригинальные философские и научные идеи. В 1985 г. Сорабджи основал международный проект *Ancient Commentators on Aristotle* (ACA), выпустивший к сему времени более ста томов с английскими переводами комментаторов (главным образом по CAG). В 1988 г. под редакцией Сорабджи вышел сборник работ разного содержания, посвященный целиком и полностью Филопону [12]. В нем содержится также обширная библиография работ по Филопону, правда, с тех пор не дополнявшаяся.

Здесь я обращаюсь к первым главам книги 1988 г. *Материя, пространство и движение*, которые покрывают всё, что мне встретилось в других работах Сорабджи в связи с материей в СР. Нужно заранее оговориться, что в случае Сорабджи речь идет не о специальном исследовании, но скорее о синтетическом обзоре имеющихся результатов, приправленном многочисленными авторскими интуициями. Этот обзорный характер работ Сорабджи сочетается с краткостью и вдохновляюще хорошей ориентацией в исследовательском поле. Стиль автора прост, но вместе с тем элегантен, местами даже симпатично волен.

У Сорабджи можно выделить пять главных замечаний к проблеме материи у Филопона. Во-первых, как и Вольф, он акцентирует внимание на

смене смысла «первого подлежащего» (πρῶτον ὑποκειμένον): если в in Physica этот титул принадлежит традиционной materia prima, то в CP он переходит к трехмерной протяженности. Однако Сорабджи не считает релевантной ссылку на порфириевское разделение на первое и второе подлежащее (Вольф), которое он отличает от филопоновского. Порфирий называет «вторым подлежащим» не трехмерную протяженность, а более сложные вещи, приводя в пример Сократа, бронзу и т. д. [11, р. 24]. На это надо сказать, что вольфовская ссылка на Порфирия служит всё-таки не установлению терминологического заимствования, а выявлению дискуссионной среды: проблематический статус differentia и, более широко, критическое развитие аристотелевской дуальности субстанции и акциденции.

Во-вторых, Сорабджи отмечает у Филопона различие между пространственной и телесной протяженностью, τοπικὸν и σωματικὸν διάστημα. Но упразднение первоматерии в CP, которая в in Physica характеризовала телесную протяженность, будучи ее субстратом, и тем отличала ее от пространственной протяженности (места), приводит это различие к потере ясного концептуального выражения. Сорабджи считает, что Филопону так и не удалось восстановить различие между обеими протяженностями [11, р. 26].

Третье замечание касается онтологического статуса τριχῆ διαστατόν. С одной стороны, трехмерная протяженность возвышается Филопоном до формы, сущности или сущностного атрибута тела [11, р. 27] – это подчеркивал уже Вольф. Но Сорабджи настаивает на втором аспекте, упущенном у Вольфа: трехмерная протяженность становится в CP также и первым субстратом физических свойств, *новой материей*. В этом смысле Сорабджи отмечает *двойное* расхождение CP с in Physica: τὸ τριχῆ διαστατόν является в CP и первоматерией физического мира, и формой телесного. По его мнению, Вольф не замечает этого потому, что переводит ὑποκειμένον как *субстанцию*, а не как *субъект* [11, р. 27, п. 26]. Я не уверен, что всё исчерпывается одной лишь этой, весьма схоластической, причиной. Скорее здесь дело в общем толковании: по Вольфу, Филопон переосмысляет субстанцию как *конститутивный атрибут* и тем самым упраздняет не только традиционную первоматерию, но и вообще *субстрат* свойств. Это радикальное толкование имеет место и может быть опровергнуто лишь более содержательной критикой¹⁰. К онтологическому статусу материи относится также еще то замечание исследователя, что трехмерная протяженность, хоть и может существовать сама по себе по своему определению, в действительности не существует без свойств [11, р. 27, 28, п. 33].

В тесной связи с третьим находится четвертое замечание касательно *категориального* статуса τὸ τριχῆ διαστατόν. Сорабджи привлекает здесь реле-

¹⁰ К сожалению, мне осталась недоступной критика Веррикена, о которой упоминает де Хаас [4, р. xiii].

вантные пассажи из комментариев к *Физике* и *Категориям* и выводит дискуссию к обсуждению филопоновской трактовки теории категорий вообще. Делая трехмерную протяженность сущностью тела, Филопон превращает ее в *субстанцию* на правах *субстанциального* (οὐσιωδῆς) *количества*. Это опять же существенно расходится с *in Physica* и *in Categoriais*, где трехмерная протяженность пребывает в акцидентальной категории *количества*. Впрочем, Сорабджи указывает, что определенное движение в перетолковании категорий имело место уже в *in Categoriais*: Филопон сближал там количество и субстанцию, делая их взаимозависимыми. И в этом сближении, и в перенесении протяженности в категорию субстанций Сорабджи видит «разрушение» аристотелевского толкования категорий¹¹.

В-пятых, Сорабджи обсуждает возможные исторические источники филопоновской концепции материи. Исток дискуссии об особом статусе трехмерности он видит в *Met. Z.3 1028b36-1029a28* Аристотеля, называя в связи с этим также *Phys. Δ.2 209b6-11* и *GC 1.3 319a29-b4, 2.1 329a24-35*. Среди возможных источников он отмечает, кроме того, фрагмент Платона *Епп. Π.4.11*, но выражает скепсис по поводу платоновского *Tim. 48e-53c* и параллелей со стоиками. Первое – потому, что, согласно Сорабджи, взгляды Платона были менее влиятельны для развития дискуссии о первоматерии – отчасти из-за аристотелевской критики, отчасти из-за множества альтернативных интерпретаций (впрочем, Сорабджи указывает на важную роль небуквального толкования *Тимея*). Второе – потому, что при всей внешней схожести взглядов Филопона и стоиков на материю как на телесное, их мотивы существенно различны [11, p. 11, 31–37].

Кроме этого, Сорабджи сопоставляет Филопона с Симпликием, отмечая, что оба пришли к весьма сходным взглядам на материю, хотя шли целиком и полностью разными путями. Оба считают материю трехмерной протяженностью, отменяя уровень *materia prima*. Разница между ними в двух вещах. Во-первых, Филопон всюду считает трехмерную протяженность телом, тогда как Симпликий отрицает ее телесность. Во-вторых, они расходятся в отношении к Аристотелю: если Симпликий убежден, что Аристотель *имел в виду*, что материя есть протяженность, то Филопон, напротив, склонен критиковать Аристотеля за то, что тот не сумел дойти до этой точки зрения, хотя должен был [11, p. 10, 23–27].

Сорабджи проводит линию материи-протяженности и далее в истории философии, отмечая развитие концепции в первую очередь у Декарта и Ньютона. Он находит близкие мотивы также и у философов XX в. (Карнап, Куайн, Стросон). Более того, тут и там Сорабджи пытается усмотреть сходства концепций Филопона и Симпликия с современной квантовой теорией поля (она фактически снимает различие между частицами и

¹¹ Disruption [1, p. 28].

полями, сводя математическое описание частиц к квантованным полям и их возбуждениям, в чём Сорабджи видит «протяженность со свойствами»). Однако для сличения концепций необходимо сопоставлять их конкретную разработку, контекст употребления, назначение и происхождение, а также принципы, на основе которых концепции являются валидными. Эти интуиции автора скорее смущают: он видит сходство там, где стоило бы обозначить различия.

Третье исследование представлено в работе Кристиана Вильдберга *Критика аристотелевской теории эфира Иоанном Филопоном* (1988). Эта книга – доработанная версия PhD-диссертации автора, защищенной в Кембридже в 1984 г. Кристиан Вильдберг (р. 1957) специализируется главным образом в истории платонизма и греческой трагедии. Профессор-эмеритус Принстона, с 2017 г. он работает в Питтсбургском университете. Является соиздателем серии *Philosophia Antiqua* (PhA).

Christian Wildberg

В 1987 г. Вильдберг сделал перевод реконструкции второго полемического трактата Филопона *De aeternitate mundi contra Aristotelem*, сохранившегося лишь во фрагментах на греческом (*apud Simplicium*) и сирийском. Этот перевод составил inauguralный том в запущенной Сорабджи серии АСА.

Книга Вильдберга – первое целенаправленное исследование *contra Aristotelem* (530–533/4 гг. по датировке Вильдберга). По сути, это тщательный последовательный комментарий первых пяти книг трактата. Цель автора – прояснить филопоновскую критику теории эфира (*de Caelo* I.2–4) в связи 1) с аристотелевской теорией движения, 2) с его тезисом о вечности мира и 3) с глобальными космологическими положениями Стагирита. Критикуя Аристотеля, Филопон противопоставляет ему собственное космологическое учение. Его основные ходы: онтологическая гомогенизация под- и надлунного регионов, пересмотр теории движения (в частности, отмена приоритета кругового движения над прямолинейным), отказ от эфира и связанный с этим разворот от негативной теории неба к позитивной, лишение небес божественного и приоритетного статуса, унификация земной и небесной материи, постулат ее порожденности и разрушимости. Универсальной материей мироздания Филопону служит разработанная им в СР несколькими годами ранее концепция τὸ τριχῆ διαστατόν.

Трехмерной протяженности, «центральному термину филопоновской фундаментальной онтологии» [13, р. 212], Вильдберг посвящает пространственный экскурс [13, р. 204–221] в контексте обсуждения ассимиляции земного и небесного мира. Сперва небольшие замечания. Как Вольф и Сорабджи, Вильдберг также прослеживает развитие идей Филопона от *in*

Physica к СР. Очень полезным является список синонимов, собираемых им для τὸ τριχῆ διαστατόν в текстах Филопона: σωματικὸν διάστημα, ὀγκοθεΐσα ὕλη, ἄποιον σῶμα, ποσοθεΐσα ὕλη, ἢ προσεχῆς ὕλη (по отношению к элементам). В in Physica сюда же попадает δεῦτερον ὑποκείμενον, хотя в СР второе подлежащее более трехмерной протяженности не тождественно. Вообще надо сказать, что Вильдберг на протяжении всей книги не раз намекает на важность точного исследования основных онтологических терминов Филопона¹² – систематически этого пока еще никто не делал. Вильдберг дает также краткое резюме глав 3–8 СР XI, т. е. наконец-то уделяет внимание *структуре* книги (внимание к структуре – общая черта изложения автора). В частности, он обращает внимание на три возражения на новую концепцию материи, которые предвидит и разбирает Филопон непосредственно после ее введения. Вильдберг особо выделяет второе возражение – о категориальном статусе трехмерного. Наконец, исследователь впервые привлекает фрагменты из contra Aristotelem для анализа концепции Филопона. Их привлечение – очередной мостик к Симпликию и его критике, так как речь идет о сообщениях из его комментария к de Caelo.

Вопреки Вольфу и в тон Сорабджи, Вильдберг настаивает на двусмысленности τὸ τριχῆ διαστατόν: трехмерная протяженность времен СР есть субстрат физических форм изменений и вместе с тем *сущность* тела как такового – ὑποκείμενον и οὐσία одновременно. Тогда как Вольф видит в τριχῆ διαστατόν лишь форму, «конститутивный атрибут», а потому нечто бестелесное, Вильдберг подчеркивает: *телесная* протяженность у Филопона принципиально *телесна* – это особенно ясно в свете отказа от бестелесной и бесформенной первоматерии; Филопон вовсе не отбрасывает понятие первого субстрата – он лишь отказывается видеть в нем нечто бестелесное; трехмерная протяженность *не* есть конститутивный или сущностный атрибут, но именно *сущность* всего телесного. Вильдберг видит в сущностном атрибуте неперемutable указание на наличие подлежащей первоматерии¹³ [13, p. 217]. Это кажется не совсем верным, ведь, во-первых, согласно Порфирию, *сущностным* атрибут может быть лишь в отношении второго подлежащего, а не первоматерии; во-вторых, он мог бы быть таковым и в отношении конкретной вещи в отсутствие всякого субстрата в принципе (эту точку зрения как раз и защищает Вольф). Наконец, по поводу основного вольфовского аргумента – что Филопон делает трехмерную протяженность формой, чтобы наделить ее общим для форм возникновением из ничего – Вильдберг отмечает, что Филопон нигде подобного не выска-

¹² Difficulties caused by the terminology [13, p. 205], ‘ousiology’ [13, p. 218, n. 101].

¹³ Похожее замечание об этом месте у Вильдберга делает де Хаас: [4, p. 166, n. 7, 167, 168, n. 12].

зывает, а потому это толкование у Вольфа не подтверждается ссылкой на текст [13, p. 206, n. 66].

Вторая важная позиция Вильдберга – плавное развитие взглядов Филопона на материю от in Physica к CP. Вильдберг отрицает внезапный поворот, «volte-face», о котором заявил в 1985 г. Веррикен¹⁴. Он считает, что Филопон уже в in Physica был скептичен в отношении аристотелианской первоматерии, что подтверждается весьма незначительной ролью этого понятия в трактате (Филопон ссылается на него лишь как на подлежащее тремерной протяженности, которая, в свою очередь, является подлинным подлежащим всего физического). Трехмерная протяженность – напротив, один из наиболее важных концептов в in Physica. Дополнительным доказательством непрерывного развития мысли Филопона является утерянный трактат Σύμμιττα θεωρημάτων, в котором, вероятно, была продемонстрирована неизменность трехмерной протяженности (Филопон сообщает об этом сам в in Physica 156.10–17). CP в этом смысле лишь продолжает линию, начатую в Σύμμιττα θεωρημάτων. Если в последнем и в in Physica трехмерная протяженность «молчаливо бросала вызов» традиционной первоматерии, но всё еще была составлена из нее и из наиболее фундаментальной формы, то в CP она получает новый онтологический статус: более не считая ее сложной, Филопон постулирует ее простоту и делает *первым субстратом* (πρῶτον ὑποκείμενον) и *сущностью* всего телесного. Последнее нужно для того, чтобы решить наиболее сложную из трех проблем, вызываемых переопределением материи: проблему категориального статуса трехмерной протяженности как нового первого субстрата.

Следующий автор – Жанна де Грут, профессор Католического университета Америки (Вашингтон) и специалист в области античной и средневековой науки. В 1991 г. вышло ее PhD-исследование, представленное в Гарварде в 1980 г.: *Аристотель и Филопон о свете*. Этот новый сюжет имеет неочевидную связь с понятием τριχῆ διαστάτων, правда, скорее времен in Physica и in Categorias, а не CP. Основные результаты, связанные с трехмерной протяженностью, удобно изложены автором в статье того же 1991 г. – *Филопон об отделении трехмерного в оптике*¹⁵.

Jean de Groot

Трехмерная протяженность как *второе подлежащее* и как *ближайшая материя* физического возникает в разговоре об оптике при следующих обстоя-

¹⁴ Диссертация Веррикена (на голландском) не была опубликована, и по сообщению де Хааса [4, p. xvi] Вильдберг не был знаком с ее аргументацией.

¹⁵ См. также основное исследование: [2, ch. 6].

ительствах. В комментарии на *De anima* В.7 Филопон отказывается от аристотелианской *экстремиссивной* теории света/зрения, предпочитая ей *интрамиссивную*. Согласно первой, несущие информацию зрительные лучи идут от глаза к предмету, согласно последней – наоборот. Тем самым Филопон связывает воедино прежде развивавшиеся параллельно «геометрическую оптику» (Евклид, Птолемей) и теорию света и зрения (Аристотель). Де Грут исследует онтологическую легитимизацию этого примирения математики и физики. Предмет геометрии – количество и протяженность, получаемые абстракцией, тогда как физика имеет дело с «первыми сущностями», конкретными телесными вещами. Применение геометрии к физике станет возможным только в том случае, если будет установлено соответствие между построениями математики и миром физики. Согласно автору, такое соответствие достигается онтологическим обоснованием *отделимости* количества/протяженности от *физических вещей*. Причем отделение совершается не ради чисто математического исследования (что было возможно у Аристотеля), а ради получения следствий в оптике как *геометрической* науки о *физически* сущем. Если для чистой математики достаточно, чтобы ее объекты существовали в мысли, то для оптики необходима особая онтологическая реальность, которой и были бы адресованы математизированные тезисы оптики и которая существовала бы независимо, оправдывая тем самым мысленное отделение количественно-пространственных характеристик от физических тел (такое отделение запрещалось у Аристотеля). Де Грут считает, что решением этой проблемы и являлось бескачественное тело. Она толкует его, таким образом, как намеренное «гипостазирование» протяженности, служащее методологической основой для математических доказательств в оптике. Вводя в *in Physica* τὸ τρίτῃ διαστατόν в виде промежуточной ступени между *materia prima* и физическими формами, Филопон делает возможным *мысленное* (κατ' ἐπίνοιαν) отделение фундаментальных количественных характеристик физического, сохраняя при этом связь с последним, т. е. не уходя в лишь мысленные построения абстрактной математики. Де Грут видит в этом обоснование предметного поля оптики как *смешанной* науки.

Кроме этого, де Грут рассматривает также различные сложности, вызванные гипостазированием τὸ τρίτῃ διαστατόν, и среди прочего устанавливает интересное соответствие между филопоновской апологией *пустоты* и полаганием трехмерности как второго субстрата. Пустота, или *пространственная* протяженность (τοπικὸν διάστημα), служит *мерой* телесной протяженности, позволяющей отделение не просто *неопределенной* протяженности, но *специфической* протяженности данной вещи (= ее места) [3, р. 170–173]. Это дополняет замечания Сорабджи о различии обеих протяженностей в *in Physica*.

Frans de Haas

Наиболее масштабное исследование понятия материи в СР принадлежит авторству Франса де Хааса (р. 1963). Профессор в Лейдене, де Хаас специализируется в философии Аристотеля и рецепции классических школ в поздней Античности. Он является также руководителем европейской исследовательской программы *From natural philosophy to science*, членом *Academia Platonica Septima Monasteriensis* (основанной Бальтесом в 1999 г.), главным издателем серии *Philosophia Antiqua*, директором Датской философской исследовательской школы (OZSW). Франс де Хаас – поборник *открытой* истории философии, подчеркивающей взаимодействие различных философских сред, считаемых обычно «замкнутыми».

Исследование 1997 г. – *Новое определение первоматерии у Иоанна Филопона* (доработанный вариант PhD диссертации 1995 г., номер 69 в серии PhA) – это обзор зависимости Филопона от неоплатонической и комментаторской традиции в сюжетах, связанных с понятием материи СР. Де Хаас очень тщательно анализирует *все* попавшие до него в дискуссионное поле тексты, а в своих многочисленных отступлениях выходит и далеко за их пределы. Книга строится как последовательный анализ аргументации первых восьми глав СР XI, прерываемый пространными экскурсами в неоплатонические и классические доктрины. Она состоит из пяти глав, введения и заключения, а также весьма обширной библиографии. Первая глава излагает концептуальное новшество Филопона в его оппозиции Проклу, вторая исследует возможные дискуссионные истоки концепции. Особенное внимание (главы 3–5) автор уделяет трем возражениям на новое определение материи, которые формулирует и разрешает сам Филопон.

Следует отметить поразительно высокий уровень работы. Подробность, многообразие сюжетов, участие в огромном числе научных дискуссий и очень широкий охват исследований дают пример подлинного *ouvrage d'érudition*. Автор весьма аккуратен и тонок, его критика объективна и всегда куртуазна. Изложение, впрочем, всё же несколько затянуто и местами чересчур отягощено деталями.

Перспектива исследования: реконструкция философских проблем, решение которых привело к новой концепции [4, р. xvii]. При этом де Хаас делает акцент на ее *неоплатонической* внутрифилософской мотивации, оспаривая тем самым тезис Веррикена (1985) о мотивации апологетической и внефилософской. Согласно де Хаасу, новое определение материи, имеющее параллели у Симпликия, с одной стороны, укоренено в неоплатонизме, с другой стороны, вписано в позднеантичный пересмотр аристо-

телевской физики. Обращаться к христианской доктрине как мотивирующему фактору, по мнению де Хааса, нет необходимости. СР – это полемика с языческой философией на ее собственном языке, хоть и проводимая с внешних христианских позиций, но мотивированная в первую очередь внутренними проблемами науки. Экскурс о материи в СР XI не так уж прямо относится к опровержению аргумента Прокла о вечности материи. Опровержение могло бы состояться и без введения новой концепции, через постановку под вопрос принципа *ex nihilo nihil*. Это явное размежевание с Вольфом, утверждавшим, напротив, что новое понятие материи необходимо Филопону для опровержения Прокла. Де Хаас считает, что для обоснования сотворенности мира Филопону было бы *достаточно* *creatio ex nihilo* и *concreatio* [4, p. 283, 284].

Новая концепция материи, изложенная в СР XI лишь *à propos*, была призвана *в первую очередь* решить несколько проблем физики и метафизики. Именно: речь идет о проблеме *роста и убыли* (глава 3). Филопон не был доволен аристотелевским описанием феномена через рецептивность (об этом также у Вольфа) и полагал, что проблема может быть решена, только если *сама материя* по природе характеризуется трехмерной протяженностью; традиционная первоматерия для решения не релевантна. При этом Филопон не отказывается от *позиции* первоматерии, но лишь заменяет традиционное *содержание* этой позиции на более соответствующее физическим нуждам [4, p. 162–164]. Де Хаас подчеркивает, таким образом, *физическую* перспективу Филопона. Как новая *материя τὸ τριχτὸν διαστατόν* дает отчет в физических характеристиках умопостигаемых форм, обуславливающих их имманентизацию: в протяжении и делимости. Новая материя обеспечивает эти параметры в конституировании физических тел. Автор подчеркивает: в этом Филопон согласен с Симпликием [4, p. 285].

Работа де Хааса содержит два обширных экскурса. В первом из них (глава 2) подробно разбирается предыстория концепций трехмерности и бескачественного тела в неоплатонизме. Трехмерность имела с самого начала у Аристотеля особый статус (это отмечал также Сорабджи), что получило развитие в неоплатонизме. Бескачественное же тело, как особая онтологическая инстанция и носитель трехмерности, выкристаллизовалось уже у Сириана и Прокла, но оба по причинам метафизического характера не помышляли о сокращении онтологической лестницы и об исключении неопределенной первоматерии. Экскурс де Хааса прекрасно описывает неоплатонические корни концепции бескачественного тела в *in Physica* (что, кстати, не исключает выводы де Грут, находящиеся в несколько иной плоскости), тогда как суть филопоновского хода в СР объясняется чисто физическими соображениями. Замечу всё же, что де Хаас не проясняет необходимой для этого физического поворота *метафизической* позиции.

Второй экскурс (глава 4) посвящен античной дискуссии о категориальном статусе дифференций (видовых отличий, *διαφοραί*). Дело в том, что СР Филопон объявляет τὸ τριχῆ διαστατόν *субстанциальным количеством* (οὐσιῶδες ποσόν) тела без качеств – так, что трехмерность становится сущностной характеристикой и определением материи всего телесного. Если Сорабджи видел в этом нарушение категориальной схемы Аристотеля, то де Хаас утверждает, напротив, что за этим актом Филопона стоит особая позиция александрийской школы Аммония в дискуссии о статусе дифференций вообще, причем намерением этой позиции было именно *сохранение* аристотелевской системы категорий. Отчасти проблему дифференций затронул Вольф, указав на апорию Лукия, но де Хаас идет намного дальше, проследившая историю проблемы от *Категорий* и *Топики* через Александра, Порфирия, Ямвлиха, Дексиппа и Аммония к Филопону и Симпликию. При этом де Хаас рассеивает вольфовский пафос преодоления аристотелевского дуализма субстанции и акциденции: на деле большинство комментаторов, а в особенности Аммоний и Филопон, решая связанные с *Категориями* апории, стремились *сохранить* аристотелевское разделение (хотя у Ямвлиха получился обратный эффект). В случае школы Аммония это осуществлялось однозначным помещением всех дифференций в категорию субстанции (чего, кстати, нельзя сказать о Симпликии – здесь де Хаас не согласен с Сорабджи). Что касается причин, по которым проблема дифференций оказывалась важной на фоне античной философии, то об этом автор сообщает следующее: достаточно хорошо определяемый у перипатетиков статус дифференций оказывался проблемой в свете платонического полагания бытия как общего *рода*. Соответственно, обсуждение проблемы педалировалось неоплатоническим стремлением гармонизовать учения Аристотеля с Платоном. Что касается Филопона, то в своем экскурсе в СР XI он просто имел в виду эту глобальную дискуссию о дифференциях, опираясь при этом на александрийское решение проблемы. Специфика его подхода состояла разве только в том, что в качестве дифференции тела без качеств Филопон принял не субстанциальное качество, а субстанциальное *количество*. При этом ни схема категорий не была нарушена (Сорабджи), так как трехмерность – это дифференция, находящаяся в категории субстанции, ни различие субстанции и акциденций не было снято (Вольф).

Кратко необходимо упомянуть также исследование Пантелиса Голициса, молодого греческого ученого (р. 1977), получившего PhD в Париже и работающего ныне в университете им. Аристотеля в Салониках. Книга *Комментарии Симпликия и Иоанна Филопона к Физике Аристотеля*, напечатанная в CAGetB

Pantelis Golitsis

в 2008 г., представляет часть его докторской диссертации. Кроме подробного анализа содержания и роли *дигрессий* (отступлений или экскурсов) в комментариях Симпликия и Филопона, книга содержит также подробное введение, охватывающее педагогическую, экзегетическую и книжную традиции неоплатонического комментария. Исследование выполнено с большим филологическим мастерством и может служить прекрасным пособием для ознакомления с античным комментарием как жанром и с его позднеантичной трансформацией.

Книга Голициса интересна для темы этой статьи важной поправкой, которую автор вносит в уже устоявшееся понимание сходства Симпликия и Филопона (Сорабджи, де Хаас) [6, р. 127–139]. Симпликий отличается от Филопона не только лишь тем, что не считает первоматерию телом. Говоря о «протяженности», он имеет в виду нечто иное, чем филопоновская трехмерность. Согласно Голицису, Сорабджи слишком сосредоточивается на аристотелианском аспекте Симпликия и не замечает аспекта *неоплатонического*: материя у Киликийца – это в первую очередь крайняя противоположность Единому; ее роль прежде всего *метафизическая*, а не физическая. Материя лежит *до* всякой причастности умопостигаемому, она «ускользает» от бытия в сторону не-бытия, а потому оказывается скорее ничем – покуда ее «ускользание» не будет остановлено формой. Бытийный статус материи описывается словами «отличение» (*παράλλαξις*) и «уклонение» (*παρεκτροπή*) – именно в этом контексте должно пониматься слово «протяженность» [6, р. 131ff]. Более того, учение Симпликия задумано в противовес доктрине Филопона с целью апологии неоплатонизма. Поэтому сквозь поспешное утверждение о сходстве Симпликия и Филопона проглядывает существенное различие их перспектив: метафизической и физической соответственно. Мнение о сходстве перенимает у Сорабджи и де Хаас. С учетом замечания Голициса выводы де Хааса о физической мотивации нового учения о материи распространяются на одного лишь Филопона – и тем самым позиция последнего оказывается подчеркнута маргинальной.

Кроме того, нужно отметить, что Голицис придерживается мнения, что учение Филопона о материи находится в прямой связи с *doctrina christiana*. Метафизическая роль материи состоит в том, чтобы быть чистым «зеркалом» для Бытия, необходимым для явления вещей чувственного мира *как отражений* Бытия – это так называемая «автаркичная экономия» мироздания. Поэтому материя никак не может быть телесной трехмерностью, т. е. уже отражением. Но с точки зрения креационизма диалектика «автаркичной экономии» была уже не нужна, а потому и метафизическая роль материи оказывалась невостребованной [6, р. 131, 136–139]. Эта позиция находится в противоречии с позициями Сорабджи и де Хааса, а также еще одной, финальной для этой статьи фигуры.

Паскаль Мюллер-Журдан (р. 1961) издал в 2011 г., кажется, последнее на сегодняшний день исследование, посвященное непосредственно теме материи в СР. Речь идет о его книге *Глоссы и комментарий 11-й книги contra Proclum Иоанна Филопона*. Автор – швейцарский специалист, доктор богословия (2003, Фрайбург), хабилитированный доктор в античной философии (2010, там же) – ныне является ординарным профессором в Западном католическом университете в Анже (Франция). Книга вышла под номером 125 в серии *Philosophia Antiqua*. Ее основная часть – французский перевод СР XI с обстоятельным и очень хорошо структурированным комментарием. Этому предпосланы две вводные главы, в которых автор излагает свою позицию.

Pascal Mueller-Jourdan

Важное место в работе Мюллер-Журдана занимает размежевание с Пантелисом Голицисом (2008), к монографии которого он не раз обращается критически. По его мнению, Голицис сильно преувеличивает христианскую мотивацию филопоновской теории материи. Сам же Мюллер-Журдан занимает противоположную позицию: полемика Филопона и Прокла в СР XI находится *вне* идентификационных споров христиан и язычников. СР XI не является христианским манифестом против язычества, а разработка материи в первых восьми главах – всего-навсего отражение дискуссий (*quaestiones disputatae*), проводившихся в школе Аммония в учебных целях. Три возражения, которые разбирает Филопон, Мюллер-Журдан толкует также в свете своей гипотезы – как изложение «школьного упражнения» в полемике. Причем эта школьная полемика, как и ее отражение в СР, была лишена агрессии и всякой идеологической претензии. Что же касается содержания «новой» концепции материи, то подобные идеи бродили среди маргиналов в поколении Аммония и не имели непосредственной связи с конфессиями. С другой стороны, *doctrina christiana* VI в. не особенно разрабатывала тему мира и его вечности, а потому не могла и направить соответствующую философскую дискуссию¹⁶.

Позиция Мюллер-Журдана радикальна, но, вероятно, не без умысла. Он констатирует, что после обширного труда Франса де Хааса в 1997 г. дискуссии о статусе материи в СР несколько угасли [8, р. 2]. Вполне возможно, что радикализм автора имеет целью спровоцировать дальнейшее обсуждение филопоновской материи. Факт влияния студенческих *quaestiones disputatae* на Филопона вряд ли имеет смысл оспаривать, однако это ни в коей мере не может доказать гипотезу, чересчур умозрительную, буд-

¹⁶ Exercice d'école [8, р. 8–10, 16–23, 216].

то бы и вся концептуализация материи в СР была лишь воспроизведением школьных баталий.

Интересно замечание Мюллер-Журдана о том, что основной заботой Филопона в СР XI было не столько опровержение тезиса Прокла о вечности мира, сколько предотвращение его возможных *манихейских искажений*. Мюллер-Журдан считает, что последователи Мани вполне могли проникать в толерантный круг Аммония и плодить сообщников среди студентов. При этом как христиане, так и монахи-неоплатоники в равной степени вели борьбу против манихейского дуализма. Поэтому вероятно, что Филопон, как представитель обоих сообществ, полемизировал против *безначальности* материи также и из антиманихейских соображений. В этом контексте Мюллер-Журдан отмечает расхождение в семантике понятия *ἄναρχον* у Филопона и Прокла. Афинский диадок говорит о безначальности лишь в контексте гилеморфизма, тогда как в онтологическом порядке первоматерия возводится им к Единому как к началу. Филопон же, с одной стороны, понимает *ἄναρχον* скорее как не имеющее вовсе никакого начала, а оттого и видит опасность манихеизации такой абсолютно безначальной первоматерии; с другой стороны, он вписывает понятие *ἀρχή* также и в чуждый Проклу *темпоральный* дискурс [8, р. 26, 37–46]. Это более чем привлекательное замечание заслуживает, однако, как мне кажется, более подробной разработки, а именно: необходимо осветить ту перспективу, в которой это семантическое расхождение между Проклом и Филопоном возможно. Многообещающими кажутся также краткие замечания Мюллер-Журдана о разнице в понимании термина *ἰδίος* (и соответствующего лексического поля), с чем связан различный характер *длительности* у Прокла и Филопона. Этот пункт тоже заслуживает подробного исследования.

* * *

Итак, филопоновское понятие материи освещалось в исследованиях с довольно разных точек зрения. Однако можно выделить три главных направления: онтологический статус материи, концептуальные мотивы его переосмысления, исторические источники новой концепции материи. По всем трем направлениям исследования представляют отнюдь не единое согласное мнение, но плюрализм более или менее различных позиций. В особенности это касается онтологического статуса и мотивов — как концептуальных, так и внешних по отношению к философии. Весьма оживленные дебаты о статусе материи у Филопона ввиду очевидного разделения мнений нельзя считать завершенными; то же касается и споров по поводу связи переопределения материи с защитой *creatio ex nihilo* (как и с христианским устроением вообще). Напротив, исторические источники филопоновской концепции кажутся проясненными достаточ-

но подробно. Кроме того, внимательное сопоставление Филопона с Симпликием вполне однозначно показало, что последнего отнюдь нельзя считать языческим дублем первого в том, что касается понятия материи.

Литература

1. *Варламова М.Н.* Трехмерность вместо первой материи: сравнение представлений о материи у Аристотеля и Филопона // *ΣΝΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция.* – 2017. – Т. 11, вып. 2. – С. 465–481.
2. *Groot J. de.* Aristotle and Philoponus on Light. – New York; London: Garland Publ., 1991. – 183 p.
3. *Groot J. de.* Philoponus on Separating the Three-dimensional in Optics // *Nature and Scientific Method / ed. By D.O. Dahlstrom.* – Washington, 1991. – P. 157–174. – (Studies in Philosophy and the History of Philosophy; vol. 22).
4. *Haas F. de.* John Philoponus' New Definition of Prime Matter. – Leiden: Brill, 1996. – 339 p.
5. 'Philopon (Jean)' // *Dictionnaire des philosophes antiques (DPhA). Vol. 5 / ed. by R. Goulet.* – Paris: CNRS-éditions, 2012. – P. 455–502.
6. *Golitsis P.* Les Commentaires de Simplicius et de Jean Philopon à la «Physique» d'Aristote. – Berlin ; Boston: Walter De Gruyter, 2008. – 306 p. – (Commentaria in Aristotelem Graeca et Byzantina. Quellen und Studien 1864–4805; Bd. 3).
7. *Proclus.* On the Eternity of the World = De aeternitate Mundi / Greek text with introd., transl., and comment. by H.S. Lang, A.D. Macro. – London: UCP, 2001. – 216 p.
8. *Mueller-Jourdan P.* Gloses et commentaire du livre XI du Contra Proclum de Jean Philopon: autour de la Matière première du monde. – Leiden ; Boston: Brill, 2011. – 236 p. – (Philosophia Antiqua; vol. 125).
9. *Philoponus J.* De aeternitate mundi. Bd. 4 / ed. by C. Scholten. – Freiburg i.Br.; Basel: Herder, 2011. – (Fontes christiani; 64).
10. *Sambursky S.* The Physical World of Late Antiquity. – Repr. 1987. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1962. – 201 p.
11. *Sorabji R.* Matter, Space, and Motion: Theories in Antiquity and their Sequel. – London: Duckworth, 1988. – 377 p.
12. Philoponus and the Rejection of Aristotelian Science / ed. by R. Sorabji. – 2nd ed. London: Institute of Classical Studies, School of Advanced Study, University of London, 2010. – 306 p. – (Bulletin of the Institute of Classical Studies; no. 103).
13. *Wildberg C.* John Philoponus' Criticism of Aristotle's Theory of Aether. – Repr. 2014. – Berlin; Boston: De Gruyter, 1988. – 292 p.
14. *Wolff M.* Fallgesetz und Massebegriff. Zwei wissenschaftshistorische Untersuchungen zur Kosmologie des Johannes Philoponus. – Berlin; Boston: Walter De Gruyter, 1971. – 159 S. – (Quellen und Studien zur Philosophie; Bd. 2).

Статья поступила в редакцию 18.09.2020.

Статья прошла рецензирование 14.11.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13-2.1-165-187

THE NOTION OF MATTER IN CONTRA PROCLUM OF JOHN PHILOPONUS: MODERN SCIENTIFIC DISCUSSIONS

Koshelev Alexander,

Postgraduate student,

Philosophy Department,

Lomonosov Moscow State University,

27/4 Lomonosovskiy Prospekt, Moscow, 111399, Russian Federation

magistrshurik@gmail.com

Abstract

The purpose of this opening article is to give a brief overview of key foreign works, mainly monographs, concerning the account of matter in the treatise *Contra Proclum* John Philoponus, and thus to make evident the corresponding research situation to the Russian reader. John Philoponus is one of the last Greek commentators on Aristotle, both a neoplatonist and a Christian. In his work *Contra Proclum* (c. 529 AD) John Philoponus redefines the classical concept of matter, rejecting the universal qualityless prime matter of the Neoplatonists. At the beginning of the article, a brief historical introduction is given, which is necessary for the formulation of the problem. The author analyses several works relevant to the topic: an article by a Russian researcher M. N. Varlamova (2017) and foreign (German, English, Dutch, French) monographs by Michael Wolff (1971), Richard Sorabji (1988), Christian Wildberg (1988), Jeanne de Groot (1991), Frans de Haas (1997), Pantelis Golitzis (2008) and Pascal Mueller-Jourdan (2011). The overview covers the entire research history of John Philoponus' account of matter. The author pays special attention to a detailed description of the current scientific discussions related to this issue: the positions of researchers, their approaches and perspectives. At the same time, the problem of Philoponic matter is also presented in close connection with many related research topics of the history of late-antique philosophy: the ontological status of species differences, the reception of the Aristotelian doctrine of categories, the separation of the Alexandrian and Athenian Neoplatonic traditions, etc. In conclusion, the article gives a general summary, identifying the most important discussions related to the topic of Philoponus' matter, and finally proposes an author's assessment of their current state.

Keywords: Late Antiquity, John Philoponus, matter, extension, neoplatonism, eternity of the world, Aristotle, Proclus.

Bibliographic description for citation:

Koshelev A. The Notion of Matter in *Contra Proclum* of John Philoponus: Modern Scientific Discussions. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 2, pt. 1, pp. 165–187. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13-2.1-165-187.

References

1. Varlamova M.N. Trekhmernost' vmesto pervoi materii: sravnenie predstavlenii o materii u Aristotelya i Filopona [Threedimensionality instead of the prime matter: comparison of the accounts of matter by Aristotle and Philoponus]. *ΣΗΟΛΗ. Filofofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya = ΣΗΟΛΗ. Ancient philosophy and the classical tradition*, 2017, vol. 11, iss. 2, pp. 465–481.
2. Groot J. de. *Aristotle and Philoponus on Light*. New York, London, Garland Publ., 1991. 183 p.
3. Groot J. de. Philoponus on Separating the Three-dimensional in Optics. *Nature and Scientific Method*. Ed. by D.O. Dahlstrom. Washington, 1991, pp. 157–174.
4. Haas F. de. *John Philoponus' New Definition of Prime Matter*. Leiden, Brill, 1996. 339 p.
5. Goulet R., ed. 'Philopon (Jean)'. *Dictionnaire des philosophes antiques (DPhA)*, vol. 5. Paris, CNRS-éditions, 2012, pp. 455–502.
6. Golitsis P. *Les Commentaires de Simplicius et de Jean Philopon à la «Physique» d'Aristote*. Berlin, Boston, Walter De Gruyter, 2008. 306 p.
7. Proclus. *On the Eternity of the World = De aeternitate Mundi. Greek text with introd., transl., and comment. by H.S. Lang*, A.D. Macro. London, UCP, 2001. 216 p.
8. Mueller-Jourdan P. *Gloses et commentaire du livre XI du Contra Proclum de Jean Philopon: autour de la Matière première du monde*. Leiden-Boston, Brill, 2011. 236 p.
9. Philoponus J. *De aeternitate mundi*. Bd. 4. Ed. by C. Scholten. Freiburg i.Br., Basel, Herder, 2011.
10. Sambursky S. *The Physical World of Late Antiquity*. Repr. 1987. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1962. 201 p.
11. Sorabji R. *Matter, Space, and Motion: Theories in Antiquity and their Sequel*. London, Duckworth, 1988. 377 p.
12. Sorabji R., ed. *Philoponus and the Rejection of Aristotelian Science*. 2nd ed. London, Institute of Classical Studies, School of Advanced Study, University of London, 2010. 306 p.
13. Wildberg C. *John Philoponus' Criticism of Aristotle's Theory of Aether*. Repr. 2014. Berlin, Boston, De Gruyter, 1988. 292 p.
14. Wolff M. *Fallgesetz und Massebegriff. Zwei wissenschaftshistorische Untersuchungen zur Kosmologie des Johannes Philoponus*. Berlin; Boston, Walter De Gruyter, 1971. 159 S.

The article was received on 18.09.2020.

The article was reviewed on 14.11.2020.